

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

DOI: 10.46698/VNC.2021.81.42.017

КАВКАЗ В РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В КОНЦЕ XVI ВЕКА

А.В. Бязров
Б.Г. Койбаев

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-59-56010

В статье исследуется «кавказский вопрос» в российско-иранских политико-дипломатических отношениях в конце XVI в. В 1580–1590-х гг., в условиях усилившейся османской экспансии, между Сефевидским Ираном и Русским государством были налажены политико-дипломатические отношения. В указанный период отмечалась активизация внешней политики Ирана и Русского государства на Кавказе, которая была обусловлена его геостратегическим значением. Однако дальнейшему развитию двустороннего сотрудничества воспрепятствовала проблема разграничения сфер политического влияния в кавказском регионе. Важным условием достижения политического господства Казвина и Москвы на Кавказе являлась внешнеполитическая ориентация кавказских народов, которая была предопределена целым рядом факторов: географической близостью, общностью национальных интересов и традиционных культурных ценностей и стремлением к сохранению независимости путем политического лавирования между интересами трех держав. Кавказские народы, с одной стороны, принимали активное участие в организации освободительной борьбы против внешних завоевателей, с другой – стремились заручиться поддержкой могущественных соседних государств, выражая готовность к сохранению внешнеполитической ориентации, соответствовавшей их национальным интересам. На основе широкого круга архивных документов и мемуарной литературы комплексно исследуются политика Ирана и России на Кавказе, российско-иранские политико-дипломатические отношения, определены роль и место кавказского региона во взаимоотношениях двух стран в конце XVI в., а также показано воздействие турецкого фактора на трансформацию российско-иранских двусторонних отношений. Методологическую основу исследования составили методы исторического познания, основанные на принципах историзма, научной объективности и системного анализа.

Ключевые слова: Кавказ, Иран, Русское государство, Османская империя, политико-дипломатические отношения, внешняя политика.

На протяжении XVI в. Кавказ находился на орбите внешней политики региональных держав. Регион являлся одним из приоритетных направлений внешней политики Сефевидского Ирана. Сефевидские шейхи проводили активную завоевательную политику в кавказском регионе с целью реализации своих внешнеполитических интересов и обеспечения безопасности северо-западных границ государства в условиях угрозы, исходившей от Османской империи. Военно-политическая активность Ирана была предопределена геостратегическим положением кавказского региона. Однако реализация внешнеполитических интересов шахского двора неизбежно приводила к нарастанию политических противоречий и обострению военно-политического соперничества между Ираном, Русским государством и Османской империей на Кавказе.

В условиях растущей геополитической напряженности вокруг кавказско-прикаспийского региона Русское государство, в свою очередь, стремилось к усилению политического влияния на южном направлении путем вовлечения кавказского региона в сферу своих внешнеполитических интересов. Одним из приоритетных направлений внешней политики царского правительства было налаживание взаимоотношений с кавказскими народами.

На протяжении второй половины XVI в. экспансионистская политика Османской империи на Кавказе представляла угрозу безопасности и экономическим интересам Ирана и Русского государства. Опасность эскалации военно-политической напряженности вокруг кавказского региона предопределила необходимость налаживания дипломатических контактов между Москвой и Казвином. При этом и Иран, и Русское государство стремились проводить независимую внешнюю политику на кавказском направлении, самостоятельно обеспечивать защиту своих государственных границ от внешней угрозы, сдерживать агрессивные действия Османской империи на Кавказе, а также предпринимать активные действия для расширения своего

внешнеполитического влияния и усиления своих позиций в кавказско-прикаспийском регионе.

Во второй половине XVI в. кавказский регион превратился в арену военно-политического и дипломатического соперничества между Сефевидским Ираном, Османской империей и Русским государством. Исключительное значение во внешней политике региональных держав придавалось завоеванию южного и северо-восточного Кавказа. Номинальное признание зависимости Кахетии и Месхетии от Ирана не гарантировало последнему безраздельного политического господства в Восточной Грузии. Картлия, Имеретия и Мегрелия систематически оказывали сопротивление шахским наместникам [13, 105–106].

Развитие производительных сил, рост товарно-денежных отношений, расширение международных торгово-экономических связей, необходимость в сдерживании османской экспансии содействовали переходу кавказского региона в орбиту российской внешней политики. Активизация российской внешней политики на Центральном Кавказе в середине XVI в. в свою очередь требовала создания условий для налаживания отношений с другими кавказскими народами. Однако участие Русского государства в Ливонской войне в 1558–1583 гг. исключало проведение активной внешней политики на кавказском направлении.

Между тем в 1560–1570-х гг. на территории северо-восточного Кавказа отмечалось некоторое усиление иранских позиций. Об этом свидетельствует фирман Тахмаспа I, согласно которому в феврале 1563 г. кахетинскому царю Левану не рекомендовалось наступать на территорию Цахура (поселение в рутульском районе Дагестана, расположенное в долине р. Самур), находившуюся под иранским протекторатом [11, 19].

Во избежание вооруженного столкновения с Османской империей шахский двор предпринимал меры для налаживания дипломатических связей с Русским государством. Главной целью двусторон-

них переговоров было воспрепятствовать переброске крымско-турецких сил на Южный Кавказ. В связи с этим в 1569 г. во время приемной аудиенции русского посла А. Хозникова шах Тахмасп I впервые предложил создать антитурецкую коалицию [6, 78]. Согласно донесению царского посланника Семена Мальцева, адресованному Ивану IV Грозному, «кызылбашский шах присылал к русскому царю бити челом послов своих... Турского люди мимо Астрахани дороги ищут, и ты бы, Великий царь, сильною своею высокою рукою помочь учинил на Турского и государь наш кызылбашского шаха пожаловал, послал к нему посла своего Алексея Хозникова, а с ним 100 пушек, да 500 пищалей» [3, 44; 13, 114].

В 1578 г. султан Мурад III воспользовался междоусобной борьбой и волнениями в Иране в связи со смертью шаха Тахмаспа I и объявил войну Сефевидскому государству. Одними из инициаторов войны с Ираном выступили завоеватели Йемена и Кипра – Синан-паша и Мустафа-паша [14, 75].

В августе 1578 г. по распоряжению султана Мурада III из Стамбула в Закавказье устремилась 100-тысячная османская армия во главе с Лала Мустафа-пашой. Отряды сипахив, янычар и конница крымского хана Магмет-Гирея вторглись в Грузию, Армению и Азербайджан [2, 247, 254–256].

Кавказ, благодаря своему геостратегическому значению, являлся удобным плацдармом для наступления Османской империи на Иран через Дербент и Ширван. Для обеспечения выхода в Каспийское море и контроля над волжско-каспийским торговым путем Османская империя при поддержке Крымского ханства намеревалась захватить территорию между Доном и Волгой и упрочить свое политическое влияние на северо-восточном Кавказе [12, 155].

Между тем активная завоевательная политика Османской империи на Кавказе обернулась обострением социально-политической обстановки в Баку, Ширване и Дербенте, находившихся под иранским протекторатом. Несмотря на сопротивление, оказанное завоевателям населением

прикаспийских городов, османы сумели получить поддержку со стороны атабега Манучехра, кумыкского шамхала и правителя Табасарана [14, 76–79].

В 1582 г. объединенные крымско-турецкие силы предприняли наступление на Дагестан, Ширван и Грузию. Однако правители кавказских областей и княжеств совместно с шахским военачальником Имам-кули-ханом Каджаром сформировали антиосманские коалиционные силы, призванные обеспечить безопасность и суверенитет Восточной Грузии и прикаспийских областей.

На фоне усиления завоевательной политики Османской империи на Кавказе и обострения грузино-дагестанских отношений в 1586–1587 гг. Русское государство и Кахетия активизировали двусторонние политико-дипломатические и торгово-экономические отношения. Кахетинский царь Александр II призвал русского царя Федора Ивановича защитить Кахетию от набегов лезгин и агрессивных действий Османской империи. Посольство Р. Биркина и П. Пивова, в свою очередь, акцентировало внимание на сборе сведений о положении христианства, путях сообщения, системе управления, военной организации, вооруженных силах в Грузии, взаимоотношениях между грузинскими правителями и их связях с султаном и шахом. Во время приемной аудиенции царских послов кахетинский царь Александр II выразил готовность к принятию российского подданства при условии обеспечения царского покровительства над Кахетией [8, 268; 1, 32–33; 9, 91].

В связи с многочисленными обращениями кахетинского царя Александра II и северокавказских владетелей, в 1588–1589 гг. возобновилось строительство сети укрепленных военных крепостей вблизи рек Терек, Сунжа и Койсу (Сулак) [7, 16].

Между тем поражение в войне с Османской империей вынуждало шахский двор обращаться к поиску союзника. На фоне существовавшей общей угрозы османской экспансии в 1580-х гг. между Ираном и Русским государством были налажены

дипломатические связи с целью выработки совместного проекта военно-политического сотрудничества и формирования антитурецкой коалиции.

Весной 1586 г. из Ирана в Москву пришло посольство во главе с Анди-беком. Иранский дипломат был уполномочен вести переговоры о формировании антитурецкого военного блока. Согласно позиции иранской стороны, шах Мухаммед Худабендэ выражал готовность передать Русскому государству оккупированные османами прикаспийские города – Баку и Дербент при условии их освобождения и строительства сети оборонительных крепостей на Северном Кавказе для недопущения наступления крымско-турецких сил на северо-западные границы Ирана [16, 253].

О предложении шахского двора также свидетельствовало содержание грамоты ответного посольства Г. Васильчикова в 1588 году. В ходе переговоров российский посол напомнил Аббасу I об обещании шаха М. Худабендэ поступиться городами Дербент и Баку при условии освобождения прикаспийских областей от турецкой оккупации [4, 18–23].

Во время приемной аудиенции иранского посла Анди-бека в Посольском приказе обсуждалась проблема разграничения сфер политического влияния на Кавказе, в частности в Восточной Грузии и Дагестане. Иранский посол был проинформирован о налаживании дипломатических контактов между Кахетией и Русским государством и об обращении кахетинского правителя Александра II к русскому царю Федору Ивановичу с просьбой обеспечить защиту грузинского княжества от османской угрозы, а также покровительство над ним и принять его в российское подданство [3, 70].

Для недопущения формирования русско-иранской коалиции в 1586 г. султан Мурад III направил в Москву посольство, которое обратилось к русскому царю Федору Ивановичу с предложением оформить антииранскую коалицию на тех же условиях. Однако царское правительство не поддержало инициативу турецкой стороны [3, 49].

В 1588 г. усилиями терских воевод была восстановлена оборонительная крепость в устье реки Терек. Данное событие символизировало об усилении политического господства Русского государства на Центральном Кавказе.

Весной 1588 г. совместно с миссией Анди-бека в Иран выехало ответное русское посольство Г.Б. Васильчикова. Согласно содержанию царской грамоты, русскому послу было поручено собрать сведения об Иране и его внешней политике. Васильчикову предписывалось напомнить шахскому правительству о содержании двусторонних договоренностей в Москве с участием иранского посла Анди-бека и готовности Русского государства совместно с Ираном противостоять захватнической политике Османской империи в кавказском регионе [3, 10; 10, 453].

В 1590 г. Сефевидский Иран выступил инициатором подписания мирного договора с Османской империей. В период пребывания в Иране посольства Васильчикова шахский двор трижды принимал турецкие посольства для обсуждения условий перемирия, которое привело к заключению Стамбульского мирного соглашения. Согласно его условиям, османское господство распространялось на бывшие иранские владения – Восточную Грузию, Восточную Армению, Ширван, Дербент, а также часть Западного Ирана с городами Хамадан и Зенджан, Курдистан, Азербайджан (за исключением Ардебилля и Талыша) [15, 193–195]. Об этом свидетельствует статейный список посла Васильчикова, который свидетельствует о том, что «поимал турецкой у шаха города большие места, опричь волостей и пригородов, опричь Тавриза и Шемахи, и Ширване и Баки Дербени, город Эревань, Шеброн, Кебеля, Агдаш... лутчие города Кызылбашех ни были, те все за турецким» [4, 109].

Стамбульский мирный договор 1590 г. существенно изменил содержание проекта и предложений со стороны посольства Васильчикова. Русскому посольству удалось убедить шахский двор в необходимости сохранения сети оборонительных крепостей

на Центральном Кавказе и напомнить о военно-политической протекции Русского государства над Кахетией согласно подписанному договору 1587 года. 7 декабря 1588 г. в Казвине состоялась встреча Васильчикова с послом Кахетии – Хосейн-беком, которому поручалось оповестить шаха Аббаса I о ранее заключенном соглашении между Москвой и Кахетией [1, 32–33, 41; 3, 102; 8, 268–269].

На рубеже 1580–1590-х гг. Русское государство активизировало наступательные действия на северо-восточном Кавказе с целью прервать сотрудничество между тарковским шамхалом и Османской империей. В 1589 г. русские послы С. Звенигородский и Т. Антонов сообщили об этом кахетинскому царю Александру. Усилиями терских воевод во главе с Григорием Засекиным весной 1591 г. удалось занять позиции в районе р. Койсу (Сулак), построить на ее берегу оборонительную крепость, а также восстановить Сунженский острог [7, 17].

Между тем строительство сети оборонительных крепостей Русского государства на Северном Кавказе подрывало позиции шахского двора в кавказском регионе. В связи с этим летом 1591 г. из Ирана через территорию Дагестана в Москву было отправлено посольство во главе с Каем. Одной из целей иранской дипломатической миссии было посещение резиденции одного из влиятельных дагестанских князей – тарковского шамхала – для дальнейшего усиления позиций Сефевидского государства на северо-восточном Кавказе [3, 161, 164; 7, 17; 8, 244].

24 июня 1592 г. Кай был принят в Посольском приказе. Шахский посол выступил с инициативой создания анти-турецкой военной коалиции и заявил о взаимной готовности Ирана поступиться городами Шемаха, Дербент и Баку, которые ранее были завоеваны османами [3, 167–168, 177]. Однако предложение иранской стороны ограничилось лишь устными договоренностями и заверениями в необходимости продолжения двустороннего сотрудничества.

В мае 1592 г. из Хорасана в Москву было направлено посольство Хаджи Хосрова. Во время организации приемной аудиенции думный дьяк И.В. Годунов сообщил о том, что по просьбе кахетинского царя Александра против кумыкского шамхала было направлено терское войско. Х. Хосров, в свою очередь, выразил одобрение относительно ответных действий терских воевод, заявив о том, что «и государю нашему будет годно, толко государевы люди шевкала извоют» [3, 179, 189].

Весной 1594 г. из Ирана в Москву прибыло шахское посольство во главе с Анди-беком. Грамота, адресованная царю Федору Ивановичу, содержала сведения о враждебных действиях тарковского шамхала против терских воевод в кавказском регионе [3, 210–211, 216, 219]. Дипломатическая миссия Анди-бека была вызвана активизацией российской политики на северо-восточном Кавказе. В грамоте иранского посла излагалась просьба к царскому правительству о том, чтобы наступательные действия терских воевод совершались при координации с иранской стороной, поскольку Тарковское шамхальство находилось в сфере политического влияния Ирана.

Содержание «тайных» переговоров Анди-бека в Москве сводилось к тому, чтобы добиться беспрепятственного проникновения через Терский город в Тарки, откуда, согласно инструкциям шахского двора, он должен был связаться с доверенным лицом крымского шамхала – Утемишем для проведения консультаций. Осенью 1595 г. шахский посол посетил Тарки и через Дербент вернулся в Иран [3, 221–222, 228].

В российско-иранских политико-дипломатических отношениях особое значение имел вопрос разграничения сфер политического влияния в Восточной Грузии. 30 мая 1594 г. из Москвы в Иран было отправлено ответное посольство А. Звенигородского. Согласно наказу, царский посол должен был убедить шаха в «переходе» Кахетии под «оборону государеву» и заверить в том, что кахетинский царь Александр ему и «без заклада будет крепок» [4, 264; 5, 104].

Во время приемной аудиенции в шахском дворе посол Звенигородский также затрагивал «кумыкский вопрос», сообщив, что «шевкал от себя отступился и ссылается с турским и крымским царем и по его ссылке Крымский Девлет Гирей и турецко-ва салтанова рать на твою кызылбашскую землю приходили... а ныне быти непослушен и (шахского) гонца». Согласно дальнейшим инструкциям русского посла, шах Аббас I обозначил свою позицию, заявив, что за приверженность турецкому султану шамхала необходимо наказать [3, 258].

6 апреля 1595 г. Аббас I, осведомленный об очередном намечавшемся походе терских воевод в Дагестан, отправил Федору Ивановичу грамоту, в которой содержалось обещание направить своего гонца Амир-Яфеня к кумыкскому шамхалу с тем, чтобы склонить его «быти под государевою рукою и дорогу в Ширванскую землю через свою землю очистить». Тем самым иранский шах пытался отговорить царя от намеченного завоевательного похода. Иранский шах обратился к Звенигородскому с просьбой не препятствовать следованию Амир-Яфеня через Терский город в Тарки, поскольку путь через Дербент находился под турецким контролем [4, 273, 278].

В 1597 г. из Ирана в Москву было вновь отправлено посольство Анди-бека. В одной из грамот, переданной иранским послом Б. Годунову, содержалось обращение шахского двора о сносе оборонительной крепости на р. Койсу и напоминание о нахождении тарковского шамхала в иранском подданстве [4, 328–329].

В 1598 г. в условиях активизации царской политики и усиления политических позиций Русского государства на Центральном Кавказе из Москвы в Иран было направлено ответное посольство Тюфякина-Емельянова. В памятке российским

послам предписывалось сообщить шаху о том, что шамхал просил Федора Ивановича взять его «под свою царскую руку и во оборону», но стал «непослушен». В этой связи царское правительство приняло решение «в шевкаловой земле поставить новые остроги». По «грузинскому вопросу» российскому дипломату предписывалось напомнить шаху о протекторате Русского государства над Кахетией. Однако в связи с внезапной смертью русского дипломата при пересечении Каспийского моря иранский шах не был извещен о содержании царских грамот [4, 67–71].

Из вышеизложенного следует, что в 1580–1590-х гг. между Русским государством и Ираном было налажено дипломатическое сотрудничество. Москва и Казвин активизировали двусторонние отношения на фоне угрозы османской экспансии. В процессе развития политико-дипломатического сотрудничества двух государств был сформирован проект антитурецкой коалиции. Шахский двор отправлял в Москву дипломатические миссии для документального оформления соглашения. Иранским условием вступления Русского государства в антитурецкую коалицию был переход под его протекторат прикаспийских городов – Шемахи, Дербента и Баку.

Однако существовавшие противоречия между Ираном и Русским государством в «кавказском вопросе» воспрепятствовали практической реализации ранее достигнутых двусторонних договоренностей. В последние годы XVI в. в русско-иранских отношениях актуализировалась проблема разграничения сфер политического влияния двух государств в Грузии и Дагестане, которая воспрепятствовала дальнейшему развитию их военно-политического сотрудничества.

-
1. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом (1578–1613). СПб, 1889.
 2. Бидлиси Шараф-хан ибн Шамсаддин. Шараф-наме. М., 1976. Т. II.
 3. Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государства в 1586–1612 гг. М., 1976.

4. Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890–1898. Т. I.
5. Дрейзен С.К. К вопросу истории русско-персидских отношений XV–XVI вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1947.
6. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. VIII–IX.
7. Кушева Е.Н. Русско-дагестанские отношения в XVI–XVII вв. Махачкала, 1958.
8. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI – 30-х гг. XVII вв. М., 1963.
9. Мехиа Ш.А., Цинцадзе Я.З. Из истории русско-грузинских взаимоотношений. Тбилиси, 1958.
10. Новосельцев А.П. Русско-иранские отношения во второй половине XVI века // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 444–461.
11. Путуридзе В. Тбилисская коллекция персидских фирманов. Кутаиси, 1995. Т. I.
12. Фарах Адиль Кызы Гусейн. Осmano-сефевидская война 1578–1590 гг. Баку, 2005.
13. Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI в. Баку, 1981.
14. Hammer I. Histoire de l'Empire Ottoman. Paris, 1837. Т. VII.
15. Kutukoğlu Bekir. Osmanlı-İran siyasi münasebetleri (1578–1590). İstanbul, 1962.
16. Moezy Najaf-kuli Husam. Tarih-i ravabet-e siyasi-e Iran ba don-ya. Tehran, 1947. Т. I.

Byazrov, Aslan V. – K.L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); biazrtyaslan@mail.ru

Koibaev, Boris G. – K.L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); koibaevbg@mail.ru

THE CAUCASUS IN RUSSIAN-IRANIAN POLITICAL AND DIPLOMATIC RELATIONS AT THE END OF THE XVI CENTURY.

Keywords: Caucasus, Iran, Russian state, Ottoman Empire, political and diplomatic relations, foreign policy.

The article examines the “Caucasian question” in the Russian-Iranian political and diplomatic relations at the end of the XVI century. In the 1580s – 1590s, under the conditions of intensified Ottoman expansion, political and diplomatic relations were established between Safavid Iran and the Russian state. During this period, the intensification of the foreign policy of Iran and the Russian state in the Caucasus was noted, which was due to its geostrategic significance. However, the further development of bilateral cooperation was hampered by the problem of delimiting the spheres of political influence in the Caucasian region. An important condition for the achievement of the political domination of Kazvin and Moscow in the Caucasus was the foreign policy orientation of the Caucasian peoples, which was predetermined by a number of factors: geographical proximity, common national interests and traditional cultural values, and the desire to maintain independence through political maneuvering between the interests of the three powers. The Caucasian peoples, on the one hand, took an active part in organizing the liberation struggle against external conquerors, on the other hand, they sought to enlist the support of powerful neighboring states, expressing their readiness to maintain a foreign policy orientation that corresponded to their national interests. Based on a wide range of archival documents and memoirs, the policy of Iran and Russia in the Caucasus, Russian-Iranian political and diplomatic relations are comprehensively studied, the role and place of the Caucasian region in relations between the two countries at the end of the 16th century is determined, and the impact of the Turkish factor on transformation of Russian-Iranian bilateral relations is shown. The methodological basis of the research was formed by the methods of historical cognition based on the principles of historicism, scientific objectivity and systems analysis.

REFERENCES

1. Belokurov, S.A. *Snosheniya Rossii s Kavkazom (1578–1613)* [Russia's relations with the Caucasus (1578–1613)]. St. Petersburg, 1889. 715 p.
2. Bidlisi, Sharaf-han ibn Shamsaddin. *Sharaf-name*. Moscow, 1976, vol. II. 352 p.
3. Bushev, P.P. *Istoriya posol'stv i diplomaticheskikh otnoshenii Russkogo i Iranskogo gosudarstva v 1586–1612 gg.* [History of embassies and diplomatic relations of the Russian and Iranian states in 1586–1612]. Moscow, 1976. 478 p.
4. Veselovsky, N.I. *Pamyatniki diplomaticheskikh i torgovykh snoshenii Moskovskoi Rusi s Persiei* [Monuments of diplomatic and trade relations of Moscow Russia with Persia]. St. Petersburg, 1890–1898, vol. I. 455 p.
5. Dreizen, S.K. *K voprosu istorii russko-persidskikh otnoshenii XV-XVI vv.* [On the history of Russian-Persian relations of the XV-XVI centuries]. Candidate dissertation (in History). Tbilisi, 1947. 178 p.
6. Karamzin, N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian State]. St. Petersburg, 1892, vols VIII-IX. 770 p.
7. Kusheva, E.N. *Russko-dagestanskije otnosheniya v XVI-XVII vv.* [Russian-Dagestan relations in the XVI-XVII centuries]. Makhachkala, 1958. 336 p.
8. Kusheva, E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei v XVI – 30-kh gg. XVII vv.* [The peoples of the North Caucasus and their relations with Russia in the XVI – 30s of the XVII centuries]. Moscow, 1963. 372 p.
9. Meskhia, Sh.A., Tsintsadze, Ya.Z. *Iz istorii russko-gruzinskikh vzaimootnoshenii* [From the history of Russian-Georgian relations]. Tbilisi, 1958. 149 p.
10. Novoseltsev, A.P. *Russko-iranskije otnosheniya vo vtoroi polovine XVI veka* [Russian-Iranian relations in the second half of the XVI century]. *Mezhdunarodnye svyazi Rossii do XVII v.* [International relations of Russia until the 17th century]. Moscow, 1961, pp. 444–461.
11. Puturidze, V. *Tbilisskaya kolleksiya persidskikh firmanov* [Tbilisi collection of Persian Firmans]. Kutaisi, 1995, vol. I. 1127 p.
12. Farah Adil' Kyzy Gusein. *Osmano-sefevidskaya voina 1578–1590 gg.* [The 1578–1590 Ottoman-Safavid War]. Baku, 2005. 216 p.
13. Efendiev, O. *Azerbaidzhanskoe gosudarstvo Sefevidov v XVI v.* [The Safavid state of Azerbaijan in the XVI century]. Baku, 1981. 55 p.
14. Hammer, I. *Histoire de l'Empire Ottoman*. Paris, 1837, t. VII. 528 p.
15. Kutukoğlu, Bekir. *Osmanlı-İran siyasi münasebetleri (1578–1590)*. Istanbul, 1962. 232 p.
16. Moezy Najaf-kuli Husam. *Tarih-i ravabet-e siyasi-e Iran ba don-ya*. Tehran, 1947, vol. I. 337 p.